

ХОЛИЗМ И ИНДИВИДУАЛИЗМ КАК КОНКУРИРУЮЩИЕ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ГОСУДАРСТВА

1. Основными теоретическими интерпретациями государства являются: 1) элементная теория государства, или интерпретация государства через признаки; 2) холистская (коллективистская) интерпретация государства; 3) индивидуалистическая интерпретация государства (методологический индивидуализм). При этом конкурирующими интерпретациями являются холистская и индивидуалистическая, имеющие оппозиционные познавательные (методологические) и ценностные установки, в то время как элементарный подход, как правило, сопровождает некоторые холистские варианты.

1.1. Получившая распространение еллинековская элементная теория государства («государственная территория», «население», «государственная власть») в настоящее время в зависимости от авторских предпочтений дополняется такими «элементами», или «признаками», государства как «издание законов», «право» или «правовая система», «суверенитет» (затянувшиеся споры о том, является ли суверенитет самостоятельным признаком государства или свойством государственной власти, как у Еллинека), «займы и налоги», «памятные дни», «разделение населения по территориальным признакам» и др.

Элементная теория пытается мысленно уловить государство, претендует на многомерность описания государства, представляет его максимально наглядным, в том числе локализуя до фрагмента на географической карте,

* Научный сотрудник сектора теории права и государства ИГП РАН, кандидат юридических наук.

связав с территорией. Для этого она включает в государство все, что может быть включено и связано с социальностью. К элементам государства одновременно относятся территория (географическая категория), власть (социологическая категория), люди (при этом власть и «народ» понимаются как самостоятельные элементы, так, словно власть может существовать помимо отношений людей) и разные социальные нормы.

Наибольшее число вопросов вызывает одновременное описание государства через территорию и народ как элемента государства. Получается, что народ, или люди, мыслятся элементом, или признаком (народ – признак!!!), того, чьим признаком также является еще и территория! Тут попытка якобы полноты описания «многомерности» государства деформирует теоретизирование, влечет мыслительное наслоение и путаницу. Получается такая теоретическая конструкция: то, чьим элементом, или признаком, является территория может «устанавливать право», иметь волю («воля государства»), и, наоборот, тот, кто имеет волю может иметь своим элементом, или признаком, территорию!

Традиционно в пользу рассмотрения территории в качестве элемента государства приводится ряд суждений, смысл которых сводится к тезису, что невозможно представить государство без территории. Однако территория имеет отношение государству не больше, чем к другим социальным институтам (например, церкви, суду, парламенту, полиции, школе).

Территория, или пространство, не является элементом, также как и время¹. Пространство – физическая среда (условие) существования живой и неживой природы, в том числе индивидов и отношений между ними - отношений властвования, отношений купли продажи и т.д. Однако, из того факта, что нечто существует в пространстве (отношения между индивидами неизбежно происходят на территории) и не может существовать вне

¹ По логике суждения о «невозможности представить государство без территории» и время следовало бы рассматривать в качестве элемента государства, т.е. государство имеет по этой логике и временное измерение.

пространства не следует, что пространство является элементом, или признаком, того что существует.

Территория, также как и здания, деревья и т.д., - эмпирически наблюдаемый объект, пользованием которым определяется социальными нормами и как природный объект не может быть ни элементом, ни признаком социального института. Наиболее противоречиво выглядит совмещение конструкций государства как субъекта права (юридической личности) с территорией как элемента государства: субъект права, элементом которого выступает территория.

Ошибочную позицию относительно территорию как элемента государства не следует смешивать с пространственной (территориальной) границей действия социальных норм, само по себе установление территориальной границы между людьми и ее существование – часть социальных институтов (институт пересечения установленной границы, институты таможни, пограничного контроля, институт юрисдикции) составляющих государство

О многомерности государства. Часто элементную теории сопровождает в качестве фона тезис о многомерности государства. Скорее всего, именно тезис о многомерности (сложности) служит методологическим оправданием элементной теории и мыслительным хаосом в виде нагромождений элементов как ее последствием.

Тезис о многомерности не способствует теоретической ясности относительно государства. Следует учитывать, что многомерность может относиться к характеристики социальной реальности, но не теоретическому объяснению ее фрагмента. Не следует переносить многомерность в теоретические рассуждения, целью которых как раз является «снятие» многомерности, умение проводить различие, представить логичный вариант объяснения государства, а не в констатации ничего не объясняющей многомерности.

В конечном итоге, теоретизирование направлено на формирование способности принципиально различать государство от негосударства – семьи, школы, церкви, гражданского общества, т.е. государства от других социальных институтов, и если такое отличие теоретик провести в состоянии, то тезис о многомерности гносеологически излишен, поскольку многомерность не будет добавлять нового в уже существующую демаркацию социальных институтов.

Именно отсутствие познавательной нагрузки многомерности, отсутствие в качестве последствий специальных методологических новаций в объяснении государства, ведут к самоэлиминированию тезиса о многомерности, тезис о многомерности оставаясь лишь фразеологическим ритуалом, намекающим на сложность и значимость изучаемого социального феномена. Отсутствие познавательного потенциала у современного постулирования многомерности, хорошо заметно по сравнению, например, с позицией Еллинека, для которого сложность государства была методологическим основанием тезиса о «двойственной природе государства» (государства как реальности и государства как юридического лица).

1.2. Если синтезировать фрагментированные холистские (коллективистские) суждения и допущения, не выраженные в суждениях, то интерпретация государства будет включать следующие ключевые положения: а) государство как надындивидуальный целостный субъект реально существует; б) государство, по аналогии с индивидом, является личностью, поэтому обладает волей (и сознанием); в) следствием теории личности государства является представление об «органах» государства, действующих «от имени» государства; г) статус государства первичен по отношению статусу частей государства как в познавательном, так и ценностно аспектах.

а) Реализм, или «модифицированный реализм» (Мамут). Помимо индивидов реально существует такой надындивидуальный (сверхиндивидуальный) и целостный субъект как государство («бытие государства»). Государство имеет собственную сущность («субстанционность»,

«субстрактность», «природу»), отличную от индивидов и не сводимую к существованию индивидов.

Холистская интерпретация настойчиво включает государство в картину существующего - реального мира, и в этом она смыкается со связанной с идеализмом и традицией реализма.

Следствием возможности интегрирования государства в мир фактов является способность «восприятия» государства, т.е. непосредственного контакта² исследователя с государством.

б) Антропоморфизм. Сенсорная обработка органами чувств государства, очевидно, с его «субстратом», «материей», «веществом», приводит теоретика-холиста к констатации обладания государством «многосоставным корпусом («телом»)».

Наиболее близкая аналогия государству, которое «обладает меняющимся телом и неизменной душой», конечно, человек.

Государство, уподобленное индивиду, суть личность, обладающая волей («воля государства»), душой («неизменной душой») и сознанием («самоидентификация государства»), что делает возможным характеризовать государство с точки зрения, например, нравственности («нравственное государство», «нравственная личность», «безнравственный человек»).

Вопрос о личности (юридической) государства плотно разрабатывался в немецком государствоведении и сводится к спору о возможности определения государства в качестве субъекта права.

в) Органицизм. Следствие антропоморфизма - представление об «органах» государства («механизме», «аппарате» государства), действующих «от имени» государства.

² Необходимо особо подчеркнуть саму возможность непосредственного контакта с государством, т.к. восприятие представляет собой форму чувственного (сенсорного) познания реальности, получаемого в процессе прямого контакта с ней (см.: *Лекторский В.А. Восприятие // Энциклопедия эпистемологии и философии науки* М., 2009. С. 124).

Смычка органицизма и, например, теории суверенитета приводит к таким запутанным антропоморфным физиологическим³ речевым оборотам: публичная власть выступает «от *лица* государства»; «концентрация властного принуждения в *руках* государства в *лице* его органов» (тут «лица» и «руки» - похоже, не метафоры). Классическими становятся суждения о том, что власть принадлежит государству «как таковому», а не его «органам», что «государство осуществляет свою деятельность через органы». Помимо органов (за спиной органов или над органами) и отдельно от них тут существует и само ГОСУДАРСТВО, от имени которого осуществляется власть, именем которого принимаются решения.

Такая фразеология берет начало в фрагментах официальных текстах, сформулированных индивидами, желающими посредством этих текстов создать впечатление наличия централизованного властного режима (например, по тексту, изданному российским императором, судебная власть осуществляется «от имени императора» - ст. 23 Основных государственных законов от 23 апреля 1906 г.). Однако в этом случае такая фразеология выглядит логично.

г) Статус государства первичен по отношению статусу частей государства как в познавательном, так и ценностно аспектах.

Государство, понимаемое как реально существующая целостность, «некая тотальность», предшествует частям, исходно для них. Существование частей государства оказывается возможным потому, что существует государство как целое (часть не существует вне целостности), поэтому существование части производно от существования государства. Государство как надындивидуальная сущность нечто большее, чем есть сумма его частей (государство концертирует нечто такое, чего нет в частях).

Из этого следует два вывода относительно ценности государства и логики его познания: а) ценность государства выше ценности его частей; часть

³ Существуют работы по «физиологии государства» (см., напр.: *Франц К.* Общие начала физиологии государства. СПб., 1870).

государства не имеет ценности, вне ценности целостности; ценность части производна от ценности государства и служебна по отношению к ней (часть служит средством для поддержания целостности) б) познание государства как целого предшествует познанию его частей (государство как целое не подлежит объяснению через части, а части объяснимы через знание о целом), и наоборот: исследование частей государства не дает картину целостности государства.

О теории юридической личности государства. Методологическим основанием теории юридической личности государства выступает дуализм сущего (государства как социальное объективное явление) и должного (Еллинек). Из принципиального различия сущего и должного – еллинековская «двойственная природа государства» - социальная и юридическая. Каждую их двух сторон государства изучает автономная наука: казуальная наука (наука о сущем – социальные науки, например социология и политология) и нормативная наука (наука о должном – юриспруденция – не социальная наука), которые дополняют друг друга, но не пересекаются.

Юридическая наука о государстве, не ориентированная на социальную реальность, пытается сделать государство «юридически» мыслимым, интерпретирует государство как субъект права, юридическое лицо. Именно тут – государство суть личность и субъект права.

Но что представляет собой «юридическое» и «юриспруденция» с позиции различения должного и сущего?

Для методологического дуализма «юридическое» и «юриспруденция» – нечто принципиально отличающееся от социального и социологического, расположенное в другой плоскости («юридическом мире»). Юриспруденция как наука о должном исключает все социальное, не «читает» и не «видит» реальность, характеризуется формалистичностью и догматичностью. Интерпретация государства посредством формалистичности и догматичности означает, что теоретизирование относительно государства опирается на

информацию, полученную из официальных текстов, авторами которых выступают властвующие индивиды.

Последовательность появления теории такова: АВТОР (ВЛАСТВУЮЩИЙ СУБЪЕКТ) ----- НОРМАТИВНЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ (на языке формалиста-догматика) ТЕКСТ -----РАБОТА С ТЕКСТОМ ФОРМАЛИСТА-ДОГМАТИКА ----- ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА.

Так возникают специфические, отрывающиеся от реальности и конструирующие автономный, несоциальный и эзотерический (недоступный для постороннего, потусторонний!) мир «бестелесных вещей», «юридических масок», «юридическое» мышление, «юридический» язык, «юридические» теории («эзотерический характер юридический понятий»), фиксируется монументальность и непреодолимость демаркации «двух миров» - мира de-jure и мира de-facto. С позиции такой юриспруденции «чего нет в документах, того нет на свете», и наоборот, на «юридическом» свете и в «юридической» теории есть только то, что есть в документах.

«Очищенная юриспруденция» превращающая науку о праве, в том числе, например, и теорию конституционного права, в документоведение. Фразы (предложения) в изданных властвующими субъектами текстах, в которых государство объявляется субъектом права, влекут для формалиста-догматика аналогичное признание и обоснование юридической личности государства, но уже на теоретическом уровне.

Для этой позиции вопрос о личности государства однозначно решен, утверждается, например, что «в современной российской теории вопрос о юридической личности государства, как таковой, уже не дискутируется». Кстати, обычно признание государства в качестве субъекта права может соседствовать: а) с признанием также и народа в качестве субъекта права (это уже следствие «теоретической» обработка формалистом-догматиком конституционного текста о «суверенитете народа»; необъясненным, однако, становится вопрос о соотношении личности государства и личности народа: это

два разных субъекта или один?); б) с рассмотрением народа в качестве элемента государства.

Удобство формалистико-догматической версии юриспруденции заключается в том, что с помощью текста можно в зависимости от желания автора текста легко создать совершенно любую картину как с реально существующим, так и вымышленными лицами (например, богом, государством, народом, классом, нацией, обществом). А уже на выходе в теоретических работах с претензией на научность будут обосновываться соответствующие юридические категории, понятия, теории. Данная позиция распространяется на все вопросы, связанные с исследованием государства, когда характеристика того или иного государства как, например, правового, социального, федеративного, республиканского, светского основывается на текстах, изданных властвующими субъектами.

В связи с изложенным следует обратить внимание, что интерпретация государства (социальной реальности вообще) отягощено и затруднено не только и не столько обыденным языком, сколько языком официальных текстов, в которых находят письменные выражения концепции и идеологии властных режимов (конструкций государства) и изданных самими субъектами господства, в том числе для легитимации, объяснения подвластным собственных властных статусов.

1.3. В основе индивидуалистичной интерпретации государства, или методологического индивидуализма, веберовская позиция, в соответствии которой объяснение любых «форм коллективности», в том числе и государства, следует давать посредством, т.е. методом, описания определенных видов деятельности отдельных индивидов (отсюда и название – методологический индивидуализм), так как только действия отдельного индивида (индивидов)

подлежат осмысленному толкованию и пониманию (отсюда – веберовская понимающая социология)⁴.

С позиций методологического индивидуализма вопросы, касающиеся «сущности», «реальности», «природы», «субстрата» государства, расположены в зоне веры, мифа, мистики, идеалистической спекулятивной философии, т.е. холистская интерпретация государства – разновидность спекулятивных (нестрогих) теорий, оставшихся от неразвитого этапа социального теоретизирования (заметим, помимо атеистического, возможен агностический варианта отношения к «сущности» государства). Вероятно, холизм эксплуатирует обыденные (примитивные, доступные), поэтому популярные, представления о государстве в качестве надындивидуального субъекта в целях легитимации властных режимов, в таком случае холизм – разновидность социальной демагогии.

Методологический индивидуализм, в отличие от холизма, полагает, что реально существуют только люди, которые взаимодействуют (и только взаимодействия индивидов является предметом социальных наук), помимо определенных действий индивидов не существует ничего такого, что можно было бы назвать «государством». Отсюда - государство не может мыслиться ни в качестве личности, ни субъекта права, имеющий сознание и волю. Государство – лишь термин, обозначающий определенный фрагмент нормативных взаимодействий индивидов, и возникающий в результате теоретизирования относительно действий индивидов, а не изначально существующая, готовая реальность, являющаяся основой и началом теоретизирования, как у холистов. Короче, онтологическому анализу государство не поддается, у него нет сущности, у него нет реальности, у него нет бытия – это термин производный от определённого типа взаимодействий индивидов.

⁴Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 508.

Государство в рамках методологического индивидуализма - термин, отражающий ту часть социального порядка, которая включает нормативные модели индивидуальных взаимодействий легитимного, наиболее признаваемого и значимого (публичного) властвования (вопрос о том, какое именно властвование наиболее значимое и легитимное – общий и возникает в равной мере к каждой из существующих теоретических интерпретаций власти). Любой вопрос, связанный с государством, характеризует его именно как властный режим, т.е. совокупность нормативных отношений властвования, – республиканизм / нереспубликанизм, правовое государство / неправовое государство, федерализм/унитаризм и т.д.

Институтами, т.е. блоками норм властвования, государства, включающими также статусы и роли, могут быть институты «монарха», «суда», «самодержца», «президента», «султана», «полиции», «таможни» и т.д. Однако институты, нормы, статусы и роли – лишь терминологические продукты теоретизирования отношений индивидов, и вне процедуры теоретизирования они не существуют.

В связи с этим исследователи, интерпретирующие государство с позиций методологического индивидуализма, обращают внимание на допускаемое в рамках холизма гипостазирование – разновидность логических ошибок (ошибок рассуждений), когда аналитический, инструментальный термин, предназначенный для описания и объяснения действий индивидов, опредмечивается, т.е. приобретает в процесс теоретизирования статус предмета, в результате чего государство принимается за самостоятельный факт.

Гипостазирование означает появление нового, дополняющего действительность, автономного фрагмента эмпирики - ГОСУДАРСТВА. Именно гипостазирование влечет указанные ранее антропоморфные и органицистские последствия, когда в теоретическом языке появляются «душа», «тело», «сознание», «воля», «органы» государства. При этом в завершенной и искаженной картине ГОСУДАРСТВО рассматривается как теоретический фундамент рассуждений о праве (правах индивидов), а категория «ВОЛЯ»

(«ГОСУДАРСТВА», «НАРОДА», «НАЦИИ», «КЛАССА») -
системообразующая категория, например, легизма и тоталитарных теорий.

Рассуждения в стиле методологического индивидуализма пытаются опрокинуть холистскую картину, представить государство не как готовое начало рассуждений о социальной реальности, а как итог теоретизирования (понятие), полученный в результате интерпретации социальных отношений и выделения из них сферы социальных отношений властвования, т.е. определенного вида нормативных взаимодействий индивидов.

2. Концепция правового государства отражает индивидуалистические социокультурные ценности, в то время как концепция социального государства – коллективистские, поэтому их теоретическое (логическое) совмещение невозможно.

2.1. Индивидуалистическая основа правового государства состоит в ограниченности его функций только защитой прав индивидов. Такая потребность возникает только в ситуации доминирования индивидуалистических ценностей в социальной культуре, когда индивид (следовательно, его права, свобода) рассматривается в качестве самостоятельной и конечной социокультурной ценности. Сформулированный Локком индивидуалистический принцип самособственности (естественного права на самого себя, право самому и для себя распоряжаться собой) отвергает идеологию, в соответствии с которой индивид от рождения не свободен и имеет прирожденные обязанности и естественный долг перед разного рода коллективностями, или целостностями, (по выбору: народом, нацией, семьей, родом, родиной, государством, обществом, социальной стратой, прошлыми и будущим поколениями). Индивидуализм снимает блокирование свободы индивида со стороны коллективности, высвобождает его. Границей свободы при этом, разумеется, является такая же свобода другого лица, т.к. каждый имеет равное право на свободу (Локк), поэтому обязанность индивида тут – соблюдение этой границы.

Равное право на самого себя, а также защищаемая государством собственность как священное и неприкосновенное индивидуальное право (собственность служит исключительно индивиду), свободная, т.е. без участия «государства», конкуренция фактически разных индивидов в разных социальных ситуациях – принципы индивидуалистического социального порядка, частями которого являются концепция естественных прав человека, правового государства, гражданского общества, рыночной экономики.

2.2. Неизбежным следствием действия принципов индивидуалистического социального порядка становится имущественное неравенство (наличие неимущих, малоимущих и имущих индивидов).

2.3. Реакцией на имущественное неравенство стало появление антииндивидуалистических идеологий, цель которых - преодоление или сдерживание в разных масштабах посредством институтов публичной власти имущественного неравенства (коммунизм, социализм, синдикализм, солидаризм) – ликвидация или ограничение частной собственности и свободы индивидов. Одной из разновидностью проявления умеренного антииндивидуализма по сравнению с радикальным антииндивидуализмом (коммунизмом) является доктрина социального (как синонима «социалистического», например, у Кистяковского), государства, которая под предлогом социальной справедливости (несправедливости имущественного неравенства, модели распределения собственности посредством рыночных конкурентных практик) и придуманной темой «выравнивания стартовых возможностей» последовательно подвергает ревизии ведущую к имущественному неравенству идеологию индивидуалистического социального порядка: принцип формального равенства, право частной собственности, принцип конкуренции, принцип невмешательства государства в договорные отношения.

2.4. Коллективистская (антииндивидуалистическая) основа социального государства проявляется в подходах к положению индивида и статусу собственности. Доктрина социального государства пересматривает

индивидуалистический характер собственности как источника имущественного неравенства и объявляет общественную значимость института собственности: собственность – институт, выполняющий социальные функции и служащий общей пользе (общему благу), удовлетворяющий общественные интересы, в том числе и прежде всего неимущих и малоимущих индивидов.

Вместе с тем обобществление собственности всего лишь фрагмент коллективистской идеологии, со времен Платона умышлено навязывающий холистский когнитивный стиль и язык: наличие целостности и рассмотрения индивида только в контексте целого, первичности целостности по отношению к индивиду и вторичности индивида, приоритетности интересов целого по отношению к интересам индивида и подчиненности индивида.

Идеологи социального государства не только не скрывают, но и подчеркивают в качестве основного антииндивидуалистического успеха, например, «шведского социализма» то, что «удалось частные интересы подчинить всему обществу». Логика социального государства в обобществлении (поглощении) индивида как автономной единицы, рассмотрения его с позиции социальной функции (функционирования целого), значимостью как средства для развития целого («социальная ответственность бизнеса», «социально ориентированная рыночная экономика»). Коллективизм если и говорит о праве, то как о синониме или продолжении обязанности (права индивида, представленные для надлежащего для исполнения обязанностей, – суть эманация прав целого). Однако в последовательных (логически завершенных) коллективистских доктринах категории «права индивида» и «свобода» неизбежно элиминируются как излишние.

Если индивидуализм создает эмансипированного индивида, освобождённого из уз коллективности, поэтому происходит подчеркивание прав индивида (отсюда – декларации прав и социокультура прав человека и правового государства), то коллективизм – индивида обязанного (отсюда – декларация обязанностей и социокультура имущественных обременений и социального государства), связанного с коллективностью категорией

социального долга и служения, что и дает возможность нагрузить собственность социальной функцией, перекрываясь дьюгистской солидаристской риторикой («налог солидарности»).